

УДК 340.1

DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-337-341

**Дифференцированный подход законодателя
к правовому регулированию отношений торговой и неторговой несостоятельности
как форма соотношения частного и публичного интересов
в законодательстве о банкротстве Российской Империи XVIII–XIX вв.**

Гарбовский А.И.

Соискатель кафедры теории и истории государства и права
Кубанского государственного университета

Современное правовое регулирование отношений несостоятельности представлено совокупностью законодательных положений в сфере банкротства, основное место среди которых занимает Федеральный закон от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». При этом нормы данного федерального закона распространяются на отношения, связанные с несостоятельностью как юридических, так и физических лиц (граждан). Вместе с тем правовое регулирование отношений гражданской несостоятельности было включено в состав законодательства о банкротстве Российской Федерации только в 2015 г. Таким образом, правовому регулированию отношений общегражданской несостоятельности в современной России не более 10 лет, тогда как проблемам несостоятельности юридических лиц были посвящены нормы уже советского законодательства, а законодательство Российской империи отличалось уставным порядком регулирования отношений несостоятельности. В свете обозначенных особенностей правового регулирования отношений несостоятельности опыт правового регулирования Российской империи XVIII–XIX вв. полезен и интересен не только с точки зрения кодификационных работ, но и эволюции банкротного законодательства с учетом дифференцированного подхода законодателя к правовому регулированию отношений торговой и неторговой несостоятельности. Изучение банкротного законодательства Российской империи XVIII–XIX вв. через призму соотношения начал частного и публичного права с целью дальнейшего изучения общих начал формирования и развития банкротного законодательства, характерных для права как Российской империи, так и современной России, представляет собой актуальное направление развития историко-правовой и теоретико-правовой мысли. Кроме того, историко-правовое исследование особенностей формирования и развития законодательства о банкротстве позволит уяснить содержание отношений, выступающих предметом правового регулирования, и основных категорий права в рассматриваемый период, а также выявить определяющие их дальнейшее правовое развитие закономерности и эффективные организационно-правовые формы.

Ключевые слова: законодательство о банкротстве, торговая и неторговая несостоятельность, формы ответственности неоплатных должников, Устав о банкротах 1740 г., Банкротский устав 1800 г., Устав о торговой несостоятельности 1832 г., дифференцированный подход законодателя, соотношение публичного и частного интересов

Для цитирования: Гарбовский А.И. Дифференцированный подход законодателя к правовому регулированию отношений торговой и неторговой несостоятельности как форма соотношения частного и публичного интересов в законодательстве о банкротстве Российской Империи XVIII–XIX вв. // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 3. С. 337–341. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-337-341.

Законодательный идеализм, сопровождавший развитие правовой системы Российской империи первой половины XVIII в., затронул и сферу регулирования имущественных отношений. Публичное значение торговли для развития капиталистических отношений и экономики государства в целом определяло направленность правового регулирования товарно-денежных отношений и раньше, однако систематизированный характер нормы, регулирующие отношения в сфере торговли, стали приобретать только в XVIII в. Так, для регулирования торговых отношений и «пользы казенной в развитии международной торговли и привлечении иностранных торговцев на внутренний рынок» были приняты Купеческий устав 1727 г. (далее – Купеческий устав) и Вексельный устав 1729 г. (далее – Вексельный устав) [1; 2].

Как известно, развитие торговли способствует формированию прогрессивной юридической практики, располагающей разнообразием организационно-правовых форм и приемов, обеспечивающих удовлетворение интересов участников рынка на основе принципов «эквивалентности исполнения обязательств» и «преимущества имущественного интереса» [3, с. 79]. Вместе с тем публичное участие в торговой среде обусловлено не только санкционированием многообразия правовых форм организации имущественных отношений, но и необходимостью регулирования отношений несостоятельности, возникающих как «негативные последствия развития отношений кредита».

Неторговая среда менее подвержена стремительным изменениям условий организации рынка, но также характеризуется отношениями, возникающими на основании ответственности неоплатных должников, и, следовательно, нуждается в законодательных правилах и ограничениях.

Таким образом, будучи средством регулирования экономических отношений, обеспечения устойчивого развития экономики и баланса частных и публичных интересов, правовое регулирование несостоятельности (банкротства) является результатом целенаправленной политики государства.

Историко-правовой анализ правового регулирования отношений несостоятельности в памятниках русского права свидетельствует об особом положении торговых отношений. Специальные нормы, регулирующие отношения с участием купцов, включая иноземцев, содержались уже в Русской Правде, Судебниках 1497, 1550, 1589 гг. В частности, нормы Русской Правды благоволили в целом развитию

торговли, особенно с иностранными купцами. Благоклонность законодателя проявляется в специальных законодательных требованиях и послаблениях, что свидетельствует о государственном интересе к развитию товарно-денежных отношений и международной торговле. Например, имущественный интерес кредиторов был лучше защищен при недобросовестном поведении купца-должника, поскольку служившие наказанием для такого должника меры личной ответственности одновременно удовлетворяли материальное требование его кредиторов (вырученная от продажи должника сумма или стоимость производимых работ эквивалентны стоимости долга). В этом проявляется заинтересованность законодателя в господствующем в купеческой среде имущественном удовлетворении требований кредиторов.

В указах Московского периода также содержались нормы, конкретизирующие привилегированное положение иностранных купцов – кредиторов должника по отношению к местным купцам. Например, на основании Указа от 31 марта 1691 г. иностранные купцы получали преимущество ввиду того, что «торговые иноземцы, торгующие в Российском государстве, платят пошлыны многие и от того казне прибыли великие» [4].

Публичный интерес в развитии торговых отношений и особенно международной торговле прослеживается также в положениях об ответственности разорившихся купцов и предоставлении гарантий иностранным купцам.

Таким образом, уже в памятниках древнерусского права и законодательстве Московского периода были определены тенденции дифференцированного правового регулирования отношений несостоятельности в русском праве.

Дифференцированный подход законодателя к установлению организационно-правовых форм ответственности и порядка удовлетворения требований кредиторов несостоятельного должника в зависимости от наличия у него и его кредиторов статуса торгового состояния отличает и развитие законодательства о банкротстве в XVIII–XIX вв.

Некоторые нормы о торговой несостоятельности и ответственности неоплатных должников содержались уже в Вексельном и Купеческом уставах 1727 и 1729 гг.

Названные источники торгового права закрепляли принцип кредита как обеспечивающего торговлю средства и привычной формы организации торговых отношений [5, с. 8]. Учитывая, что в торговой среде добросовестное исполнение денежных обяза-

тельств является основным условием организации имущественных отношений, неоплатность и неплатежеспособность должника – конституирующие признаки торговой несостоятельности. Эти критерии служили основанием для применения к должнику мер личной и/или имущественной ответственности. Так, при неплатежеспособности должника наступала только имущественная ответственность, а в случае неоплатности – личная. Вместе с тем положения Купеческого устава, определяющие понятия «банкрот» и «торговая несостоятельность» как неплатежеспособность должника, позволяют утверждать, что определяющим критерием для признания несостоятельности в купеческой среде выступает именно неплатежеспособность [1; 2]. Также существенным признаком банкрота считалось отлучение от биржи или торгового места.

Однако нормы Купеческого и Вексельного уставов не содержали необходимого механизма упорядоченного и эффективного регулирования отношений торговой несостоятельности, включая общие законодательные дефиниции, формы ответственности должника перед кредиторами и порядок удовлетворения их требований. Потребности рынка и стремительно развивающиеся товарно-денежные отношения нуждались в эффективных организационно-правовых формах взыскания с неоплатных должников долга и привлечения их к ответственности. Были приняты специализированные нормативные акты, систематизированно регулирующие отношения банкротства [6, с. 35–39].

Первый кодифицированный акт был принят в 1740 г. – Устав о банкротах 1740 г. (далее – Устав 1740 г.). Однако его принятие не устранило проблем разрешения дел о торговой несостоятельности. Положения Устава 1740 г. не применялись на практике, о чем свидетельствует указание Сената в постановлении от 24 октября 1762 г.: «хотя о ...банкротах в 1740 году и выдан Генеральной Банкротской Регламент, но токмо оный в действо не произведен» [6, с. 38].

В гражданской (неторговой) среде ввиду нераспространенности в этот период кредитных отношений не было необходимости в принятии специальных норм, систематизированно регулирующих формы ответственности неоплатных должников и взыскания с них долга. Отдельные законодательные положения, регулировавшие частные случаи ответственности неоплатных должников, удовлетворяли потребности общественного развития. Так, вопросы отработки долга несостоятельными лицами неторгового звания регламентировались указами «О посылке преступников мужского пола на галеры, а женщин на прядильный двор...» 1718 г. и «О правилах содержащихся под караулом несостоятельных должниках» от 1736 года [7].

Вторая половина XVIII в. отличается высокой кодификационной активностью в сфере доработки

действующего и разработки нового банкротного законодательства. Так, с момента принятия первого Банкротского устава 1740 г. было разработано несколько проектов банкротных уставов (проекты 1753, 1761, 1763, 1768 гг.). Однако второй Банкротский устав был принят только в 1800 г. (далее – Устав 1800 г.) [8].

Особенностью Устава 1800 г. было объединение в его составе норм, регулирующих вопросы торговой и неторговой несостоятельности. Часть первая Устава 1800 г. предназначалась «для купцов и другого звания торговых людей, имеющих право обмениваться векселями», а часть вторая – «для дворян и чиновников» [8]. Так были заложены основы формального подхода законодателя к разграничению торговой и неторговой несостоятельности.

В пределах правового регулирования торговой и неторговой несостоятельности существенно отличались подходы к определению признаков торговой и неторговой несостоятельности, порядок удовлетворения требований кредиторов и формирования конкурсной массы, так же как и основания и последствия признания должника банкротом и применяемые к нему меры ответственности. Однако легальных определений торговой и неторговой несостоятельности в уставе не содержалось. Общее определение несостоятельности включало элементы обоих видов несостоятельности, но банкротство порождала только торговая несостоятельность.

Регулирование отношений торговой и неторговой несостоятельности в одном кодифицированном акте не изменило дифференцированного подхода законодателя к регулированию отношений несостоятельности. Выделение в составе кодекса части второй, закрепляющей порядок организации и последствия общегражданской несостоятельности, было обусловлено публичной значимостью вопросов недопущения обнищания населения, сохранения родовых имуществ и защиты прав должника и кредиторов. Закрепление организационно-правовых основ общегражданской несостоятельности выступало, таким образом, средством предупреждения массовых разорений, сохранения родовых имуществ и защиты прав должника и кредиторов.

Между тем переустройство системы государственного управления и изменение направлений государственной политики в XIX в. вызвали и законодательные изменения. Укрепление к середине XIX в. позиции законодателя, поддерживающего обособленное развитие торгового права в целом и торговой несостоятельности в частности, привело к принятию в 1832 г. Устава о торговой несостоятельности (далее – Устав 1832 г.) [9].

Положения Устава 1832 г. заменили только действие части первой Устава о банкротах 1800 г. Так, существенным изменениям подверглись нормы, закрепляющие порядок формирования конкурсной

массы, очередность удовлетворения требований кредиторов, критерии и последствия признания торговой несостоятельности. В отношении дел о неторговой несостоятельности продолжали действовать узаконения части второй Устава 1800 г. [9].

Продолжающиеся законодательные реформы и масштабные государственные преобразования второй половины XIX в. выявили необходимость реформирования сферы правового регулирования отношений несостоятельности как в торговой, так и неторговой среде. Использование кредитных отношений и сопутствующих им облегченных форм вексельных обязательств не считалось более прерогативой лиц торговой среды. Развитие производственных форм организации сельского хозяйства и обработки земли требовали привлечения заемных денежных средств и создания механизма, обеспечивающего взаимные гарантии должников и кредиторов и в неторговой среде.

Признание судебной практикой необходимости применения к юридическим лицам норм о торговой несостоятельности также требовало соответствующих законодательных изменений. Однако, несмотря на попытки переработки и принятия нового устава, действие Устава 1832 г. продлилось до Октябрьской революции 1917 г. В отношении лиц неторговой среды продолжали действовать нормы части второй Устава 1800 г. и отдельные законодательные положения, закрепляющие формы ответственности неплатных должников неторгового звания и взыскания с них долга [9–11].

Таким образом, историко-правовой подход к исследованию проблем правового регулирования отношений несостоятельности и эволюции банкротного законодательства выявил первичность становления отношений несостоятельности в торговой среде относительно общегражданской несостоятельности. Первичность торговой несостоятельности объясняется природой отношений несостоятельности в целом, особенностями их исторического развития и зависимостью от кредитных отношений. Так, происхождение термина «банкротство» берет свое начало в торговой среде. В переводе с латинского языка банкротство – «сломанная скамья», что означало в торговом обществе раннего Средневековья непригодность для торговли [12]. Отсюда следует, что этимология термина «банкротство» указывает на обозначение отношений торговой несостоятельности.

Формирование и развитие отношений несостоятельности и законодательства о банкротстве Российской империи соответствует общим закономерностям развития банкротного законодательства и правовому регулированию отношений торговой и неторговой несостоятельности.

Учитывая, что формирование и развитие банкротного законодательства само по себе является

способом согласования публичного и частного интересов, дифференцированный подход законодателя к регулированию отношений торговой и неторговой несостоятельности отражает необходимость применения различных средств и приемов правового регулирования к названным видам отношений. Кроме того, дифференцированный подход законодателя к регулированию отношений торговой и неторговой несостоятельности представляет собой принцип правовой организации и регулирования отношений несостоятельности в целом, обусловленный целями государственной политики и многообразием подлежащих защите интересов.

В законодательстве о банкротстве Российской империи XVIII–XIX вв. дифференцированный подход законодателя к регулированию торговой и общегражданской несостоятельности как форма соотношения частного и публичного интересов проявляется в кодификации законодательных актов, систематизированно регулирующих отношения торговой и неторговой несостоятельности на основе разграничения критериев и видов торговой и неторговой несостоятельности, подсудности дел о торговой и неторговой несостоятельности, оснований для принятия и рассмотрения заявления о признании должника несостоятельным и последствий такого признания, а также порядка формирования конкурсной массы и удовлетворения требований кредиторов.

Литература:

1. ПСЗРИ. Собрание первое. Т. 7. 1723–1727. СПб., 1830. № 5145.
2. ПСЗРИ. Собрание первое. Т. 8. 1728–1732. СПб., 1830. № 5410.
3. Муромцев С.А. Гражданское право Древнего Рима: Лекции Сергея Муромцева, проф. Моск. ун-та. М.: тип. А.И. Мамонтова и К°, 1883. 697 с.
4. ПСЗРИ. Собрание первое. Т. 3. 1689–1699. СПб., 1830. № 1398.

5. Туткевич Д.В. Что есть торговая несостоятельность: (Опыт построения определения в связи с изложением признаков для объявления торговой несостоятельности судом). СПб.: тип. Д.В. Чичинадзе, 1896. 38 с.
6. Гольмстен А.Х. Исторический очерк русского конкурсного процесса. СПб.: тип. В.С. Балашева, 1888. 292 с.
7. ПСЗРИ. Собрание первое. Т. 9. 1733–1736. СПб., 1830. № 7013.
8. ПСЗРИ. Собрание первое. Т. 26. 1800–1801. СПб., 1830. № 19692.
9. ПСЗРИ. Собрание второе. Т. 7. 1832. СПб., 1833. № 5463.
10. ПСЗРИ. Собрание второе. Т. 20. Отделение 1. 1845 г. № 19283.
11. ПСЗРИ. Собрание второе. Т. 54. 1879–1880. Отделение первое. СПб., 1881. № 59374.
12. Семенов А.В. Этимологический онлайн-словарь русского языка. URL: <https://lexicography.online/etymology/semyonov/б/банкрот>

Differentiated Approach of the Legislator to the Legal Regulation of Relations of Trade and Non-Trade Insolvency as a form of Correlation of Private and Public Interests in the Bankruptcy Legislation of the Russian Empire of the 18th–19th Centuries

Garbovsky A.I.
Kuban State University

Modern legal regulation of insolvency relations is represented by a set of legislative provisions in the field of bankruptcy, the main position among which is occupied by the Federal Law "On Insolvency (Bankruptcy)" dated October 26, 2002 N 127-FZ. At the same time, the provisions of this federal law apply to both relations related to the insolvency of legal entities and individuals (citizens). At the same time, legal regulation of civil insolvency relations was included in the bankruptcy legislation of the Russian Federation only in 2015. Thus, legal regulation of general civil insolvency relations in modern Russia is no more than 10 years old, while the problems of insolvency of legal entities were devoted to the norms of the Soviet legislation, and the legislation of the Russian Empire was distinguished by the statutory procedure for regulating insolvency relations. In light of the designated features of legal regulation of insolvency relations, the experience of legal regulation of the Russian Empire in the 18th-19th centuries seems useful and interesting not only from the point of view of codification works, but also the evolution of bankruptcy legislation, taking into account the differentiated approach of the legislator to the legal regulation of relations of commercial and non-commercial insolvency. The study of the bankruptcy legislation of the Russian Empire of the 18th-19th centuries under the prism of the interpenetration and relationship of the principles of private and public law with the aim of further studying the general principles of the formation and development of bankruptcy legislation, characteristic of the law of both the Russian Empire and modern Russia, is a relevant direction in the development of historical-legal and theoretical-legal thought. In addition, a historical and legal study of the features of the formation and development of bankruptcy legislation will allow us to understand the content of relations that are the subject of legal regulation and the main categories of law in the period under review, as well as to identify patterns and effective organizational and legal forms that determine their further legal development.

Key words: bankruptcy legislation, commercial and non-commercial insolvency, forms of liability of insolvent debtors, Bankruptcy Statute of 1740, Bankruptcy Statute of 1800, Commercial Insolvency Statute of 1832, differentiated approach of the legislator, relationship between public and private interests

